

Мирослав Бакулин © Бакулин М. Ю., 2020
Протоиерей Дмитрий Шишкин © Шишкин Д. Б., 2020
Ольга Рожнёва © Рожнёва О. Л., 2020
Александр Богатырев © Богатырев А. В., 2020
Наталья Романова-Сегень © Романова-Сегень Н. В., 2020
Константин Церцвадзе © Церцвадзе К. Г., 2020
Протоиерей Александр Авдюгин © Авдюгин А. И., 2020
Мария Панишева © Панишева М. В., 2020
Протоиерей Александр Дьяченко © Дьяченко А. И., 2020
Леонид Гаркотин © Гаркотин Л. Д., 2020
Алексей Солоницын © Солоницын А. А., 2020
Елена Есаулова © Есаулова Е. С., 2020
Петр Давыдов © Давыдов П. М., 2020
Протоиерей Алексей Лисняк © Лисняк А. А., 2020
Марина Алексеева © Алексеева М. Е., 2020
Протоиерей Дмитрий Первий © Первий Д. В., 2020
Диакон Сергей Герук © Герук С. И., 2020
Татьяна Ливанова © Ливанова Т. С., 2020
Инокния Наталья (Каверзнева) © Каверзнева Н. М., 2020
Сергей Бедненко © Бедненко С. В., 2020
Сергей Щербаков © Щербаков С. А., 2020
Наталья Мельникова © Мельникова Н. К., 2020
Татьяна Вигилянская © Вигилянская Т. Д., 2020

*Держись,
я рядом!*

РАССКАЗЫ О НАС С ТОБОЙ

ВОЛЬНЫЙ СТРАННИК

Москва
2020

УДК 821.161.1-322.2

ББК 84 (2=411) 6-44

Д36

**Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-009-0277**

Д36 Держись, я рядом! : Рассказы о нас с тобой : сборник / редактор-составитель М. Г. Жукова. — Москва : Вольный Странник, 2020. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-00178-002-1

В книгу вошли рассказы как малоизвестных писателей, так и уже полюбившихся читателям. Все они — авторы сайта «Православие.ру». Читатели сами определили высокий рейтинг этих рассказов, а мы только собрали их в сборник. Написанные в разной тональности, все они затрагивают темы смысла жизни, любви к ближнему, ответственности человека за свои поступки, удивительного Промысла Божия в судьбах героев.

Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-322.2

ББК 84 (2=411) 6-44

ISBN 978-5-00178-002-1

© ООО «Вольный Странник», 2020

Мирослав Бакулин

ТАТАРИН

У нас в России все народы давно перепутались, как сеть у рыбака, которая внутри хаоса складок лежит правильными ровными квадратами, и нужно ее только смочить и перебрать, чтобы засияла она своими ряжами*. Чтобы быть уже не ловцами рыб. И русские, и татары, и коми, и зыряне, и ханты, и манси, и немцы, и якуты — все давно стали русскими. Все говорят по-русски, все делают одинаково, но каждый как-то с приподвыпертом, то есть не до конца все просто. Ну и для смеха определяют: этот татарин, а этот русский.

Иду я как-то утром по улице, жмурюсь от солнца весеннего и плачу от радости. Тут подходит ко мне седобородый старичок, взял строго за руку и говорит:

* Ряж — сетевое полотно, предназначенное для трехстенных или двухстенных рыболовных сетей (ряжевые сети). — Примеч. ред.

— Отчего у нас в стране татары за мусульман считаются? Ислам-то сюда позже Православия пришел. А до того все были кругом язычники. Ты скажи знакомым газетчикам, чтобы они про то, что много святых татар в истории России было, написали.

Я поклонился ему:

— Обязательно скажу.

А сам и думаю: чего такого сказать? И вспомнил. Был у меня один знакомый сварщик — очень верующий паренек Тимур. А в церкви его все звали Тимофеем. Духовником у него был очень хороший многодетный протоиерей. И вот видит он пламенную веру Тимура и говорит ему:

— Хочешь быть священником?

А тот, видимо, мечтал, но думал: куда ему, татарину... Так что даже заплакал на исповеди-то.

Батюшка ему говорит:

— Кто пресвитером быть желает — доброго желает. Если хочешь, поезжай в семинарию учиться, я тебе и рекомендацию напишу.

— Так ведь я не мальчик, и жены у меня нет.

— Можно верить в Бога, а нужно Богу верить. Верь Богу, и Он все управит.

Тот слезы утирает:

— Так ведь я татарин...

— Ну и что? Знаешь, сколько татар стало православными святыми, великими подвижниками! Да вот

возьми хоть преподобного Петра — он был племянником хана Ордынского, но, слушая проповедь епископа Кирилла Ростовского, потом сбежал с ним в Россию и сделался великим русским преподобным. Почитай о великих страдальцах за Христа святых Петре и Стефане Казанских. И про преподобного Серапиона, который был простым татаринном Сурсасом, а стал игуменом Кожеезерского монастыря, схимником и учителем многих святых, которые просвещали потом Россию верой православной. Узнай про святого Авраамия Болгарского, купца из Волжской Булгарии, который своим милосердием заслужил просвещение верой. Он принял крещение и продолжал торговать, проповедуя Христа, за что получил мученическую кончину и прославился великими чудесами. Это еще до монголов было. Ну, про преподобного Пафнутия Боровского ты знаешь. Его отец был сыном татарского начальника, принявшего христианство. Сам будущий преподобный в двенадцать лет стал монахом. Долгие и праведные труды привели к нему множество учеников, и он один из столпов Русской Церкви. Вспомни и мученицу Платониду, которая в юности убежала из дому, когда ее хотели выдать замуж не по любви. Она нашла приют в монастыре, приняла постриг и подвизалась в лесу. Родня хотела погубить ее, считая вероотступницей, но ее охранял медведь. Озверевшие родственники все равно убили сначала медведя, а потом и святую

мученицу. Узнай и о священномученике Мисаиле, который с юности принял крещение и стал монахом, да таким ревностным, что патриарх Никон сделал его архиепископом Рязанским и Муромским. Русские в этой епархии были безграмотны, пьянствовали и устраивали беспорядки, а мордва и татары оставались язычниками. Архиепископ Мисаил много потрудился над своею паствою, просвещая и вразумляя их. Несмотря на многочисленные угрозы, он лично крестил четыре с половиной тысячи мордвинцев и татар. В одной из поездок по епархии на него напали, и он принял мученическую кончину. А ты говоришь: «татарин»! Господь любит татар, как и все остальные народы.

Батюшка улыбнулся:

— А может быть, даже больше.

Оставил Тимур свою работу, поступил в семинарию. Нашел себе хорошую жену в регентском классе. Владыка его рукоположил в диаконы, потом в священники и отправил «пару из молитвенника и клироса» в дальнюю большую деревню, где стоял древний пустующий храм. Батюшка храм подлатал, нашел кое-какую утварь да одеяния и стал себе служить. Деревенские потянулись на службы, но упорно среди них слух ходил, что «священник не настоящий, потому что татарин». Особенно так ворчали те, которых батюшка от рюмочки отлучить хотел.

Так прошло три года. И вот на Пасху отец Тимофей решил вспомнить, как пели «Христос воскрес» на разных языках, показывая торжество Православия во всех народах. И запел по-гречески: «Христос анести! – Алифос анести!»

Как загудели старушки:

– И так на непонятном церковном языке служит, а тут и вовсе по-татарски запел!

И написали недовольные активисты письмо архиерею, что, мол, батюшка по-татарски службу ведет. Приехал архиерей, выслушал все их жалобы и говорит:

– Вижу, что не доросла еще ваша община до своего пастыря. Поэтому заберу его в столичный город, пусть там народ просвещает. А на вас за доносы – епитимья: не будет теперь у вас священника еще три года.

Уехал владыка. Селяне одумались, взмолились:

— Батюшка отец Тимофей, не оставляй нас сирыми! Как же мы без службы и Причастия жить будем? Кто же детушек крестить будет, венчать молодых, старых отпевать?

— Не знаю, — говорит отец Тимофей, — а только мы, священники, — солдаты нашего владыки: слушаемся его и ничесоже не можем глаголати вопреки.

— Вот, — сказал один мужичок другому, — в конце опять не по-нашему заговорил...

Протоиерей
Дмитрий Шишкин
СЛАБЫЙ БАТЮШКА

Отец Виктор закончил воскресную службу и дочитывал в алтаре благодарственные молитвы, когда в опустевшем храме услышал громкие и несколько развязные, как ему показалось, мужские голоса. Легкая тень тревоги легла на сердце отца Виктора, и он, почувствовав приближение какого-то искушения и не желая терять благодать воскресной службы, от всей души вздохнул: «Господи, помоги!»

Шум и беспокойство усилились, голоса зазвучали снова, и отец Виктор вышел из алтаря. В храме стояли два незнакомца и довольно громко беседовали со свечницей — пожилой прихожанкой Тамарой. Отец Виктор сразу обратился к мужикам:

— Добрый день! Вы что-то хотели?

Старший по возрасту и более представительной наружности отвлекся от Тамары и, устремив свой взор и внимание к отцу Виктору, шагнул ему навстречу. И сразу стало понятно, что мужчина в подпитии. Это было неприятно, конечно, но что поделаешь: с разными людьми приходится общаться священнику и в разных обстоятельствах. Его приятель, худощавый и точно призадумавшийся паренек, стоял поодаль, но по его виду, несколько отстраненно-сосредоточенному, было видно, что и он не вполне трезв.

— А, отец, добрый день, — обратился старшой и протянул руку для приветствия. Отец Виктор пожал эту крупную трудовую руку, и мужик сразу перешел к делу:

— Святой отец, я вот чего хочу сказать... Ты это... почитай нам молитву от пьянства.

— Какую молитву?

— Ну, я не знаю... Я вот сам с Западной Украины, есть там у нас такой отец Стефан — все хорошо делает. Сильный батюшка! Он прямо, знаешь, вот сразу мне какую-то молитву специальную прочитал, крестом перекрестил, по лбу стукнул, и все — как рукой сняло: я месяца два вообще не пил. Сильный такой батяка! Ну, а тут, вот... тоже мы... с напарником, понимаешь, запили, а нельзя никак, работать надо. Плохо дело. Так что ты нам прочти-ка эту молитву, и мы пойдем...

Отец Виктор помолчал.

— А как вас зовут?

— Меня Степан, а это Серега.

Серега слабо кивнул, стараясь держать себя в благочестном равновесии.

— Ага, ну хорошо... А скажите мне, вы вообще как живете, в церковном смысле? То есть когда последний раз исповедались, причащались?..

— О, отец, ну ты спросил... Когда-то давно уже, даже не помню когда... Главное, вот полгода могу не пить, вроде все нормально, и работа есть, и копейка какая-никакая — я ведь по стройке, отец, все могу... Но вот как запью — прям беда... А сейчас как раз дом строим хозяйину... с Серегой. И надо же — запили...

— А на службе в храме бываете?

— Честно говоря, нет.

— А чего ж так?

— Да как-то все некогда, отец... Работать надо, копейку зарабатывать, семью кормить...

— Ну это понятно. Но один день в неделю, воскресный, можно бы в храм сходить, правда? Помолиться на службе...

Мужик молчал.

— Я почему обо всем этом говорю... Потому что слабость эта, к выпивке... это ведь дело серьезное... И батюшка тот, что помог вам, конечно, молодец. Но страсть — это тяжелая духовная болезнь, и молитвой, пусть даже особенной, но прочитанной один

раз, она, как правило, не излечивается. Великие отцы-подвижники могли с одной какой-нибудь страстью бороться десятилетия, а мы хотим совсем без борьбы обойтись, не прилагать никакого усилия к своему исправлению. Это же просто смешно. Так не бывает... Ну, можно разве дом построить за десять минут?..

Степан искушенно ухмыльнулся в ответ.

— Батюшка этот, о котором вы говорите, — продолжал отец Виктор, — может быть, он действительно святой жизни человек. Но не все ведь такие... Я вот не такой, честно скажу... и нет у меня какой-то особой молитвы и силы... то есть молитва есть, но и самому же надо тоже что-то делать, понимаете... Борьбаться со страстью, образ мыслей менять, приобщаться жизни церковной.

Мужик молчал, и было ясно, что такие речи ему не по душе.

— Я как священник, конечно, постараюсь с Божьей помощью вас поддержать, но и вы тоже должны приложить усилия, вот в чем дело.

— Какие усилия?

— Да вот хотя бы даже в молитве. Вы ведь просили молитву почитать, вот и давайте вместе с вами сейчас ее почитаем.

— Ну, давайте, — нехотя согласился Степан. — Серега, давай с нами.

Сергей нетвердыми шагами подошел ближе.

— Повторяйте за мной, — попросил отец Виктор и повернулся лицом к алтарю. — Боже, милостив буди мне, грешному! — И батюшка положил земной поклон.

— Боже, милостив буди мне, грешному, — нестройно отозвалось за спиной, и послышался шум двух тяжело опускающихся на пол тел...

После двенадцатого поклона батюшка и сам запыхался, и с мужичков, тяжело дышавших, градом катился пот.

— Ну, ты... это... батя, даешь! — подвел итог Степан, переводя дыхание.

— А как же вы думали? Просить надо Бога, стучаться к Нему настойчиво, сердце и силы прилагать, чтобы от страсти избавиться... Ну, вот так как-то... А что пришли — молодцы. Я буду молиться за вас как могу, но и вы кладите каждый день земные поклоны с этой молитвой простой: «Боже, милостив буди мне, грешному!», чтобы Господь помог избавиться от пьянства. А еще Амвросий Оптинский советует, как захочется выпить, прочитать главу из Евангелия. Есть у вас Евангелие?

— Да нет... здесь.

— Тамара, принесите, пожалуйста, Евангелие. Там, возле окна, лежит специально для раздачи. Ну вы знаете.

Тамара принесла Евангелие. Степан взял его в руки и стоял в какой-то неловкой растерянности.

— А во вторник... как вы, во вторник, часов в десять, сможете прийти сюда?

— Во вторник... Да сможем, я думаю, сейчас-то... Видишь сам, не до работы...

— Ну вот и хорошо, что сможете... Приходите к десяти. У нас как раз молебен будет специальный — от пьянства. Вместе помолимся, попросим Господа, чтобы Он помог вам. Добро?

— Добро.

— Ну, будем ждать...

Однако ни во вторник, ни в другой какой день Семен с Сергеем так и не появились в храме, и больше их батюшка не видел. Какое-то время он поминал их в молитве, а потом новые люди и новые нужды и просьбы погребли под собою их имена. Но иногда отец Виктор все равно вспоминал этих мужичков, думал о том, что с ними случилось, вздыхал об их исцелении и добавлял неизменное: «Боже, милостив буди мне, грешному! Был бы я действительно духовным человеком — помогла бы им моя молитва. А так... прости меня, Господи!»

УДЕРЖИВАЮЩИЙ

Отец Ипатий с послушником Андреем копали картошку на монастырском огороде.

— Слушай, отец Ипатий, — спросил паренек, — я вот у апостола Павла прочел... Как ты думаешь, о чем это: говорится, что, мол, не наступят последние времена, пока не будет взят удерживающий. Это о чем он?

— Ну ты, брат, нашел у кого спросить... Ты у отца Аввакума спроси, и мне, кстати, расскажешь потом, самому интересно.

— Не, отец Аввакум — понятно, ну а ты-то сам как думаешь?

Отец Ипатий воткнул лопату в землю, оперся о черенок подбородком и задумался.

— Знаешь, мне кажется, что единственный удерживающий зло в этом мире — это Дух Святой. Только Он каким-то образом связан с нашей волей... То есть я хочу сказать, что чем больше мы Его ищем, чем настойчивее ищем так... с болью, понимаешь, сердечной... с усилием... вот, мне кажется, тем больше Он в этом мире и действует. Здесь именно все дело в том, чтобы на себя не надеяться, на свои силы... А то знаешь, как иногда бывает.

Но тут отец Ипатий спохватился:

— Да что ты прицепился ко мне, как репей, вот еще искушение на мою голову! Наговорю тебе сейчас,

а оно, может, и не так совсем. Давай, копай. Обед скоро.

В прошлой жизни отца Ипатия звали Игорем Николаевичем. Был он мужик хозяйственный и энергичный. Жил в селе, в советское время работал в артели — коровники, зернохранилища строили. В 90-е, когда колхоз развалился и стали землю делить на паи — взялся за дело с веселой решимостью. Сыну тогда было всего тринадцать, но был он паренек веселый, бодрый, на работу отзывчивый и скорый — весь в отца, так что помогал во всем. А девчонки — старшая школу оканчивала, была девочка глубокая и вдумчивая, готовилась поступать на педагогический, а восьмилетняя младшая, напротив — хохотунья и, неожиданно, в деда пошла — конопатая, как яйцо перепелиное. Жена Людмила была тихая и ласковая... «Телица моя» называл он ее иногда, обнимая и привлекая с любовью. Жить было трудно, но не унывали, взяли кредит, поставили теплицы, стали потихоньку дом поднимать, рядом с хибаркой ветхой саманной*, купили машину, «копейку» закудалую...

И вот однажды под Новый год поехали по гололеду в город все вместе — младшую на елку отвезти в театр и вместе пройтись по магазинам, «скупиться» к празднику. Он только и помнил, что машину

* Построенной из самана — строительного материала из глинистого грунта с добавлением соломы или других добавок, высушенного на открытом воздухе. — Примеч. ред.

повело, закрутило и выбросило на встречу, а потом — удар. Фура груженная попалась... В себя пришел через неделю, сразу спросил, что с женой, с детьми... Но по тому, что не отвечали прямо, а все уклончиво как-то, мол, не волнуйтесь, и глаза отводили — догадался, что все погибли. Но была еще надежда, что, может быть, кто-то жив, просто в коме, как и он недавно был. Еще через несколько дней пришла сестра жены, в белом халате, присела на край кровати и плача, сдерживая себя, сказала, что все погибли... и даже похоронили уже.

Он не мог жить... Просто не мог жить после этого. Не понимал, как еще можно существовать на свете, для чего... Был январь, больничные окна затянуло морозными узорами, за окном в белесой мути сыпало, секло крупной. А он лежал и представлял себе четыре свежих могильных холмика, заметенных снегом, и слезы текли сами собой. Он сердито утирал их и снова не понимал, как жить дальше, отворачивался к стене и зажмуривался, точно желая отгородиться от невыносимой реальности, уйти в сон. Но сон убегал от него. Когда выписался из больницы, съездил домой, с болью постоял посреди остывшей хаты, молча собрал самые необходимые вещи и автобусом переехал в город, к сестре. Дом летом продали. Большую часть денег он отдал сестре — у нее подрастали двое оболтусов, а ему самому, казалось, ничего и не нужно.

Содержание

Мирослав Бакулин

Татарин 5

Протоиерей

Дмитрий Шишкин

Слабый батюшка 11

Удерживающий 18

Концерт Бортнянского 38

Ольга Рожнёва

Путь к Богу 46

Есть у нас еще дома дела 59

Александр Богатырев

Назовут тебя Ангелиной 68

Наталья Романова-Сегень

Как не стало Ирины Тюленевой 77

Константин Церцвадзе

«Станцуйте со мной!» 99

«Держись, я рядом!» 107

Протоиерей Александр Авдюгин

Анчутка	112
Баба Марфа	118

Мария Панишева

Папин крест	126
-----------------------	-----

Священник Александр Дьяченко

Ландыши	141
«Квазимодо»	150
Про каменщика Володю и беса	163
Глаза сына	170

Леонид Гаркотин

Сережин хлебушек	176
Про коня Мальчика, деда Арсения и внука Митьку	183
Цыганенок Валька и бабушкино Евангелие	196
Возвращенное счастье	208
Ксению святую прошу по совести...	216

Алексей Солоницын

Райские яблочки	230
Мой месяц март	241
Нераскаянный грех	246

Елена Есаулова

Толстой не виноват	251
------------------------------	-----

Петр Давыдов

Наш человек	261
Базарный «авва» в условиях рынка.	268
Несерьезный мальчик	273

Протоиерей Алексей Лисняк

Предприниматели	277
Василий Тёркин и немцы.	289
Над бело-розовым морем	301

Марина Алексеева

Долгий путь домой	312
-----------------------------	-----

Протоиерей Дмитрий Первий

Три красных яблока	325
------------------------------	-----

Диакон Сергей Герук

Золотая монета	331
Божевильна Нина.	339
Возвращение Мартохи.	345
Се брат твой	352

Татьяна Ливанова

Епитимья	358
--------------------	-----

Инокания Наталья (Каверзнева)

Остановка	372
---------------------	-----

Четыре истории о ветеранах. 376

 За фронт Бог простил многое

 В алтаре

 Сухорукий дядя Коля

 «Отец Михаил, расскажи что-нибудь о войне»

Мой брат работает медсестрой 382

 Интонация

 Воскресение

 Мальчики

 О смысле страданий

 Бомж

Сергей Бедненко

Крестная. 390

Сергей Щербаков

Хозяин ямки 407

Другая зимовка. 430

Встречи. 443

Алеша и Света 455

Наталья Мельникова

Война, корова и батюшка Серафим. 467

Татьяна Вигилянская

Митрофан и Маруся. 473